

САХАРНЫЙ ЗАМОК

ВЕРА АНИНА

18+

Вера Анина
Сахарный замок

«Автор»

2026

Анина В.

Сахарный замок / В. Анина — «Автор», 2026

Когда тело объявляет войну, худший враг — тот, кто пытается тебя «спасти». У Веры было всё: карьера в HR, идеальный брак и тотальный контроль. Но диагноз «сахарный диабет» рушит этот мир. На работе перфекционистку быстро заменяют, мать требует «не портить фасад», а муж превращает дом в изолятор. Пытаясь вернуть контроль, Вера создает бизнес на десертах без сахара, измеряя свою ценность в граммах муки. Но бизнес не прощает иллюзий. Когда роковая ошибка на производстве доказывает, что просчитать всё невозможно, Вера становится перед выбором: цепляться за иллюзию контроля и прежнюю правильность или шагнуть в свою неидеальную реальность. Что выберет она?

© Анина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ФАСАД	5
Глава 1. Звёздочка из фольги	5
Глава 2. Вес молчания	8
Глава 3. Координаты покоя	10
Глава 4. Медовый туман	13
Глава 5. Белый шум	16
Глава 6. Эффект присутствия	18
Глава 7. Сахарный замок	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вера Анина

Сахарный замок

ЧАСТЬ I. ФАСАД

Глава 1. Звёздочка из фольги

Потолок в палате был белым до жестокости. Когда мир сужается до размеров больничной койки, остаётся математика. Раствор медленно спустился по прозрачной пластиковой трубке, замирал на изломе капельницы — и всё-таки падал. Одна. Вторая. Третья.

Счёт собирал распадающуюся реальность в понятную, контролируемую последовательность.

За окном люди шли домой. Покупали хлеб. Ругали ноябрьский холод. Ни один из них не знал, как это бывает: делаешь всё правильно, держишь спину, не проигрываешь, а кровь однажды превращается в яд.

В коридоре что-то глухо рухнуло. Звук прокатился по стенам и исчез. Я закрыла глаза. Белизна потолка провалилась в память, оборачиваясь приторным, липким паром.

* * *

Ноябрь девяносто седьмого пах жжёным сахаром. Наша кухня превратилась в филиал ада, где мама варила варенье. Окна наглухо запотели, вычеркнув улицу из подлинного мира.

Детство состояло из прямых углов: спина прямая, локти прижаты к рёбрам, карандаш зажат между указательным и средним. Ложка ритмично ударялась о край медного таза — тягучий, ровный ритм.

— Считай, Вера.

Я прикусила щёку изнутри. Металлический вкус крови смешался со сладким паром. Цифры в тетради начали терять геометрию. Линии расползались, превращаясь в чёрные нити.

— Mam... у меня глаза не видят.

Мама не обернулась. Её спина была такой же безупречной.

— Значит, будешь смотреть внимательнее.

Я попыталась собрать взгляд, но икс рассыпался на три неровных штриха.

— Mam, они прыгают.

— Усталость — это вопрос дисциплины, Вера.

В голосе не было злости. В нём сквозила абсолютная, леденящая уверенность в моей бракованности. Восемь. Тройка. Икс. Мир замер. Даже ложка перестала звенеть о медь. Младшая сестра Настя выронила куклу. Пластмассовая голова стукнулась о линолеум.

— Вера всегда такая будет? — прошептала Настя.

Мама подошла со спины, опустила ладонь мне на плечо. Тяжёлую. Тёплую. Свинцовую. После такого прикосновения дети не шевелятся поколениями. Из кармана фартука показался золотистый фантик от конфеты. Ножницы блеснули под лампой.

Вжик. Вжик.

На ладонь упала маленькая звезда из фольги. С неровными, колючими лучами.

— Умница. Заслужила.

Звёздочка пахла шоколадом и химическим облегчением. Я сжала кулак так сильно, что острые края фольги прорезали кожу. Мама убрала мокрые волосы с моего лба. От её пальцев пахло антоновскими яблоками и сиропом.

— Вот видишь. Можешь, когда захочешь.

В тот вечер мне было позволено съесть награду. Мама положила густую тёплую пенку в блюдец и тихо, заговорщически добавила:

— Только Насте не говори.

Я ела эту пенку, как причастие. Сладкий клей забивал горло.

Ночью Настя пробралась под одеяло, толкаясь острыми коленками. Зажгла карманный фонарик. На простыне между нами лёг грязный жёлтый круг.

— На, — сестра протянула расплавленный, полужидкий ирис. — Я у неё из буфета спёрла.

Мы ели липкую карамель и смеялись так тихо, как только могли.

Простыню я оттирала утром. Ледяной водой из-под крана, пока мама спала. Кожа на пальцах содралась до крови, но пятно ушло. Внутренний аудит был пройден. Звезда осталась на тумбочке.

* * *

В туалете бизнес-центра пахло дезинфекцией и застоявшейся пылью из кондиционера.

Я плеснула в лицо ледяной водой, но отражение не посветлело. Из зеркала смотрел вышколенный HR-менеджер: воротничок блузки держит форму, узел на затылке не растрепался. Лицо человека, который умеет «срезать» лишних кандидатов за первые три минуты разговора и по одному взгляду босса понимает, кого завтра вышвырнут за дверь. Канцелярская резинка на правом запястье была затянута в три оборота. Впиваясь в плоть, она оставляла багровый след. Физическая боль — отличный анальгетик для рассыпающегося сознания. Ещё три удара. Раз. Два. Три.

На экране телефона загорелось: *«Волков ждёт. Мы начинаем».*

В переговорной Волков листал распечатки резюме. Наручные часы на его запястье поблёскивали под лампами в такт нетерпению. Кандидат напротив что-то говорил. Его рот открывался и закрывался, как у рыбы в аквариуме. Он рассказывал про KPI, оптимизацию и токсичное руководство на прошлом месте. Я механически заносила цифры в оценочный лист. Прямая спина. Локти прижаты.

— Почему вы ушли с последнего места работы? — спросила я.

В этот момент звук выключился. Голос соискателя превратился в белый шум, в гудение трансформаторной будки. Буквы в резюме запрыгали точно так же, как иксы в ноябрьском девяносто седьмом. От сладковатого воздуха в переговорной закружилась голова.

— Вера? — Волков дотронулся до папки.

Только тогда я увидела, что вся страница оценочного листа исписана одной и той же цифрой «восемь». Восьмёрки громоздились друг на друга, превращаясь в знаки бесконечности. Карандаш в руке сломался. Серый графит испачкал пальцы. Волков молча забрал лист. На его лице не было раздражения. Там застыло то самое мамино выражение: «Вера ленится». Под воротничок блузки поползла горячая струйка пота.

— На сегодня всё, — отрезал он.

* * *

Врач закрыл историю болезни с сухим пластиковым стуком. Точно так же, как двадцать три года назад упала голова Настиной куклы.

— Когда меня выпишут? — голос трещал, как сухая ветка.

— Вам нужен отдых.

Это звучало как приговор к депортации из собственной жизни. В понедельник планета продолжит вращаться: Волков проведёт совещания, почта забьётся письмами, Дима проверит расстановку обуви по плинтусу. Мир не останавливается, если одна из шестерёнок ломается.

Экран телефона на тумбочке вспыхнул очередным уведомлением. Рука не двинулась.

Впервые в стерильной тишине палаты проклюнулся инородный, пугающий вопрос. Почему мама вырезала эти чёртовы звёзды только для меня? И сколько на самом деле весит молчание, которым я платила за её любовь?

Глава 2. Вес молчания

Взрослый мир устроен просто: если умеешь не создавать проблем, тебя считают идеальным. В квартире Димы всё имело свои координаты. Чашки в сушилке смотрели ручками строго влево. Полотенца в ванной были сложены пополам, без единой морщины.

Когда Дима возвращался, щелчок замка звучал ровно в семь вечера. Моё тело знало этот звук лучше швейцарских часов. Плечи сами поднимались, позвоночник натягивался до хруста, дыхание становилось поверхностным, бесшумным. Втиснуться в рамку чужого комфорта. Занять как можно меньше места. Этот навык был доведён до автоматизма ещё в одиннадцать лет. В родительской хрущёвке.

* * *

Отец входил в квартиру, вынуждая пространство послушно расступаться. Куртка падала на вешалку с первого раза. Ботинки вставали на коврик идеально — носок к носку, параллельно плинтусу, без лишних движений. В ванной включалась вода — долгий, ровный шум заполнял коридор и выравнивал дом изнутри, как строительный уровень.

Я стояла в дверях кухни и маниакально считала капли, падающие из неисправного крана. До двенадцати. Всегда до двенадцати. Казалось: если однажды капля сорвётся на счёт «тринадцать», в стенах просядет скрытая трещина, которую невозможно будет замаскировать ни молчанием, ни идеальным порядком.

— Иди ужинай, — говорила мама.

Она не просила и не приказывала. Голос был частью домашней архитектуры — такой же неизбежной и безэмоциональной, как несущие стены или выключатель света.

За столом правила игры были известны заранее. Нельзя отодвигать стул со скрежетом. Нельзя ставить локти на клеёнку. Нельзя переспрашивать, даже если не расслышала фразу. Стук вилок о фаянсовые тарелки оставался единственным легальным звуком, и даже он казался кошунственно громким, взрывающим невидимый баланс.

Отец никогда не смотрел в тарелку. Он смотрел сквозь меня — как смотрят на прозрачное стекло, которое выполняет функцию, пока на нём нет пятен.

— Уроки?

Под столом ногти впивались в ладони до багровых лунок. Боль гарантировала послушание.

— Всё сделано.

— Не подведи.

Эти два слова падали на плечи бетонными плитами. Я уносила их в комнату, едва смея дышать.

На следующий день суставы выворачивало от невыносимого жара, мокрая простыня липла к спине. Дверь открылась без стука. Отец стоял на пороге с газетой. Я инстинктивно отвернулась к стене, пытаясь вжаться в блёклый рисунок обоев, исчезнуть в нём, стать незаметной.

— Ты как? — спросил он из дверного проёма.

Горло обжигало сухим песком.

— Нормально.

Он не подошёл. Не коснулся ладонью горящего лба, не поправил съехавшее одеяло. Просто замер на границе комнат, выжидая правильной формы присутствия, которую я, как ни силилась, не могла угадать. Любое проявление слабости в нашем доме расценивалось как нарушение дисциплины.

Отец вышел. Между косяком и дверью осталась полоска стерильного света. В ней был виден край его неподвижной руки с тяжёлыми часами.

Кашель вырвался, только когда я зарылась лицом в подушку. Он бился в перьевую ткань, глух, возвращался удушливыми волнами. Тело больше не успевало разделять приступы, они шли сплошным потоком, пока я не потеряла им счёт.

Через час кровать трясло вместе со мной. Мама резко щёлкнула выключателем. Люстра ударила по воспалённым глазам.

— Почему ты ничего не сказала? — в её голосе звучало не сочувствие, а раздражение от нарушенного покоя.

Я смотрела на раскалённую вольфрамовую нить лампы. Ответа не было. В нашей семье любой ответ означал лишнее действие, а на действия не оставалось ресурса. Мама молча поставила градусник, принесла таблетку и ледяное мокрое полотенце. Всё без единого слова. Мы обе свято чтим кодекс молчания.

Через день отец принёс книгу. «Алые паруса». В серой, замершей комнате эта ярко-красная обложка выглядела как инородное тело. Он положил её на край кровати, педантично выравнивая по линии пледа.

— Это тебе.

— Спасибо.

Он кивнул, но не ушёл. В его фигуре появилось что-то непривычно угловатое, неловкое.

— В детстве... мне тоже читали.

Отец никогда не говорил о прошлом. Будто родился сразу взрослым, в отглаженном костюме и с тяжёлым взглядом. Я попыталась представить его маленьким мальчиком, но перед глазами стояли только крупные, сухие руки с бледной полосой от ремешка часов на запястье.

— Выздоровливай, — бросил он и вышел, приоткрыв дверь ровно на ширину двух пальцев. По ГОСТу нашего дома.

Красная обложка оставалась нетронутой, пока в коридоре не погас свет. Страницы пахли горькой типографской краской и свежим клеем. Я читала Грина почти без вдохов — казалось, что если вздохну слишком глубоко, бумага порвётся от моего внимания.

Утром книга лежала на том же месте. Но пальцы всё равно поправили её, выравнивая по кромке матраса. На случай, если ночью она посмела сдвинуться хотя бы на миллиметр. В свои одиннадцать лет я уже твёрдо знала главную формулу нашей семьи: любовь — это когда тебе что-то дают, а ты в ответ стараешься занимать как можно меньше места.

* * *

В тридцать пять лет я довела эту формулу до абсолюта. Дима любил меня за то, что во мне не было хаоса — я была предсказуемой, как дорогой швейцарский механизм. На работе меня ценили за то, что я переваривала любые объёмы токсичных задач без единого стога. Я стала идеальным, прозрачным пластиком.

И только моя поджелудочная железа, загнанная в этот безупречный корсет тишины и контроля, не выдержала веса молчания.

Глава 3. Координаты покоя

Ноябрь вжимал людей в кофейню, как в последнее сухое место на земле. Очередь за спиной дышала в затылок плотным, душным облаком — запахом мокрой шерсти пальто и кислым, пережжённым молоком. Бариста на пределе связок орал в гул зала:

— Ягодный раф для Ани!

— Я Таня, — измотанно отозвались от стойки. Тотальная потеря идентичности в утреннем потоке.

— Капучино на миндальном, чей?

У окна ребёнок размазывал коричневую пену от какао по стеклу, уничтожая геометрию капель. Его мать, зажав телефон плечом, наговаривала в пустоту голосовое: *«Да, я выслала... Нет, переделай...»*

Смартфон обжигал пальцы. Экран безостановочно плевался короткими, безапелляционными строчками:

Где резюме финалиста?

Созвон с клиентом сдвинули на 16:30.

Вера, подтверди участие.

Я нырнула в сумку за кошельком, чтобы откупиться от этого утра чашкой эспрессо, но пальцы зацепили металлическое кольцо. Связка ключей с тяжёлым грохотом звякнула о плитку.

— Чёрт.

Я наклонилась одновременно с кем-то ещё. Мужчина стоял слишком близко. На рукаве пальто торчала короткая белая нитка — прямая линия, словно разметка. Пахло дорогим табаком и холодной улицей.

— Спасибо. Это мои.

Он не отдал ключи сразу. Перехватил связку за кольцо, взвесил на ладони. Взгляд зацепил латунный язычок от старого замка. Так смотрят на деталь, вылетевшую из паза работающего механизма.

— Тяжёлая, — сказал он. В голосе была констатация факта, а не кокетство.

— Какая есть, — я протянула руку.

Ключи легли в ладонь — ледяные, с чужим, впитавшимся в металл теплом.

— Осторожнее, Вера. Потеряете — день станет ещё хуже.

Дверь кофейни хлопнула, отсекая сырой сквозняк. Я осталась стоять у стойки, глядя на отпечатавшиеся на коже багровые зубцы. Он не спрашивал имени. Просто прочитал его на пластике карты, которую я в спешке оставила возле кассового терминала.

* * *

В офисе хаос был каталогизирован и упакован в таблицы. Волков за утро трижды переписал профиль вакансии, Марина прислала в мессенджер девять сообщений сплошным капслоком — без единой запятой, захлёбываясь текстом. К обеду заказчик на общем созвоне выдал очередной шедевр:

— В резюме финалистов хочется больше воздуха.

— Воздуха? — Марина шумно выдохнула. — Может, мне дыроколом им листы покрошить, чтобы легче дышалось?

В два часа дня курьер припёр на ресепшен шесть коробок собачьего корма. Охрана ликовавала. Офис двадцать минут самозабвенно спорил, не завести ли лабрадора для снятия корпоративного стресса.

— Против, — отрезал Волков, не поднимая глаз от монитора. — В этом пространстве не должно быть ничего живого.

— Кроме кофе? — съязвила Марина.

— Кофе не двигается. И не оставляет шерсти.

Волков не улыбнулся. Он сидел напротив, глядя на меня — выжидающе, прямо. В его пространстве не должно было существовать сбоев.

Каждые три минуты взгляд падал на заблокированный экран телефона. Всего лишь мужчина в кофейне. Всего лишь три случайные фразы. Но вся неделя превратилась в глухое, подсознательное ожидание, пока в пятницу ноги сами не привели меня обратно. Хотя вокруг офиса было полно мест тише и ближе.

Он сидел за столиком у окна. Это выглядело дико для дневного часа: ни ноутбука, ни раскрытого блокнота, ни смартфона. Перед ним остывала чашка, к которой он даже не приоткрылся. Абсолютная неподвижность среди всеобщего городского невроза.

До зум-колла оставалось пятнадцать минут. Я должна была взять кофе навынос и бежать, но шаг замедлился против воли. Тело потянулось к этой неподвижности, как к анестезии. Мужчина поднял глаза. Сразу.

— Сегодня без потерь?

— Пока держусь.

— Прогресс.

Я инстинктивно сунула руку в карман пальто — ключи были на месте. Он заметил этот жест. Его улыбка на мгновение сделала строгое лицо живым.

— У меня мало времени, — предупредила я, хотя никто не задерживал.

— Верю. — Уголок рта едва заметно дёрнулся вверх. Он чуть отодвинул свободный стул носком туфли, освобождая место в геометрии.

Спина по привычке выпрямилась — держать осанку, держать лицо. На деревянную столешницу опустилась чашка.

— Я не заказывала.

— Но собирались.

— Вы всегда так уверены в том, чего хотят другие?

— Нет. Только когда человек выглядит так, будто с утра живёт исключительно на кофеине и подавленной злости.

— Часто ставите диагнозы незнакомкам?

— Только бесплатные.

Смех вырвался неожиданно легко, расслабляя зажатые плечи и разрушая внутренний корсет. Мы замолчали, но эта пауза не давила — в ней наконец-то не нужно было придумывать дежурную чушь.

За стойкой с грохотом что-то упало. Внутри всё привычно дёрнулось, готовое отражать удар, но мужчина перевёл взгляд на баристу, накрывая неловкость абсолютным спокойствием:

— Опасная работа. Много лишнего шума.

— Часто здесь бываете? — спросила я, крепче сжимая пальцами горячий фарфор.

— Теперь — да. Маршрут перестроил. Я Дима, кстати.

Он не протянул руку для рукопожатия, не нарушил границы, просто зафиксировал новый статус.

В сумке утробно завыл телефон. Экран вспыхнул — Марина. Я вытащила пластиковый корпус и со стуком положила его на стол экраном вниз.

— Плохой день? — спросил Дима. Слово «нормальный» — моя главная ложь последнего десятилетия — застряло в горле. Плечи дёрнулись вверх. — Обычный.

Он подозвал баристу лёгким кивком и вытянул из кожаного портмоне матовую чёрную карту. Пластик с тихим щелчком коснулся терминала. Дима убрал его обратно, даже не взглянув на сумму в чеке. Всё подчинялось его безмолвному распорядку.

Когда я поднялась, он не пытался меня удержать. Не просил номер, не затягивал разговор банальными фразами. Только чуть откинулся на спинку стула, освобождая проход. Идеальные манеры. Идеальные границы.

У самой двери меня догнал его ровный, глубокий, не допускающий возражений голос:

— Я завтра снова буду здесь в пять. Не теряйте ключи, Вера.

Дверь захлопнулась. Холодный ветер швырнул в лицо горсть ледяной крупы, но внутри, под рёбрами, впервые за день стало тихо. Это была покойная, стерильная тишина капсулы, в которой медленно кончался воздух.

Глава 4. Медовый туман

В ту пятницу мой внутренний конвейер сломался.

Обычно меня спасал автоматизм отработанных городских траекторий. Метро, пахнущее раскалённым железом и чужим дыханием; сырой, режущий ветер из подземного перехода; механическая очередь на кассе супермаркета; дежурный трёхминутный звонок маме; квитанция в химчистке. Жизнь, расфасованная по мелким бытовым задачам, становилась терпимой. Не лёгкой — просто конвейерной. Но в тот вечер лента намертво встала.

Силы закончились на пороге квартиры. Я застыла в темной прихожей — в тяжёлом зимнем пальто, в сапогах, с абсолютно пустой, выключенной головой.

На кухне капал неисправный кран. Звук отдавался в висках тупой, пульсирующей болью. Надо было открыть телефон, найти мастера, созвониться, состыковать графики... От одной мысли об этом внутри все сжималось в плотный узел.

Я попыталась разуться, но молния правого сапога намертво заела на щиколотке. Рывок, еще один — тонкая ткань подкладки намоталась на металлический бегунок, заклинив его в пазу. В любой другой день хватило бы взрослой, разумной дисциплины: остановиться, найти пинцет, аккуратно расправить складку.

Сейчас во мне словно выключили рубильник.

Спина беспомощно сползла вниз по обоям. Воздух в прихожей внезапно стал слишком густым, сладковатым, похожим на плотный медовый пар, который не проходил в легкие, оставляя в груди острую, колющую судорогу. Навалилась детская, удушающая обида — на эту проклятую змейку, на этот капающий кран, на весь мир, из-за которого я не могу подняться с пола просто потому, что застряла в собственном сапоге.

В этот момент в замке повернулся ключ. Дима замер на пороге, зажав связку ключей в кулаке.

Ему понадобилось всего три секунды, чтобы оценить мизансцену и вернуть пространству идеальный порядок. Кожаная сумка легла точно на центр тумбы, пальто без лишнего шороха отправилось на плечики. Раздался щелчок наручных часов — Дима снял их и положил на обувницу, носок к носку выровняв свои ботинки.

Он молча прошел на кухню. Скрипнул заклинивший металл. Капель оборвалась. В коридоре стало темнее — Дима погасил резкий верхний свет, оставив только мягкий, отфильтрованный отсвет из большой комнаты.

Половицы тихо скрипнули. Он сел на пол рядом, но оставил между нашими телами положенную социальную дистанцию в ладонь. Его пальцы — сухие, теплые — осторожно убрали прилипшую от пота прядь с моего лица.

— Ты можешь ничего не объяснять, — негромко сказал он.

И плотину сорвало. Я ревела навзрыд — некрасиво, с захлёбывающимся подвыванием, размазывая тушь по щекам. Дима не пытался меня обнять, не шептал «всё будет хорошо», не просил взять себя в руки. Он просто сидел рядом, неподвижный, как скала, сжав собственные руки между коленями так сильно, что побелели костяшки. Он контейнировал мой хаос, встраивая его в свою систему.

Когда слезы кончились, медовая густота в воздухе чуть рассеялась, дышать стало легче. За окном окончательно стемнело.

Дима потянул меня за ногу. Под его уверенными пальцами упрямый бегунок змейки сдался сразу, без малейшего боя. Внутри шевельнулась уродливая вспышка злости на эту послушную ему вещь — и первый сапог с глухим стуком отлетел к стене. Мягкое голенище качнулось, и Дима аккуратным движением носка домашнего тапка подтолкнул его, выровни-

вая строго параллельно плинтусу. Даже в этот момент хаос должен был быть зафиксирован и устранен.

Резкий, дребезжащий звонок телефона заставил меня вздрогнуть. На экране, перевернутом вверх, горело: *Мама*.

Голос в трубке был рваным, испуганным, слова налезали друг на друга:

— Папа... Давление... Скорая приехала. Он не понимает ничего... Вера, я не знаю, что делать...

Фразы рассыпались, не желая складываться во что-то осмысленное. Димина рука мягко, но настойчиво забрала у меня из ладони горячий кусок пластика.

— Мы сейчас приедем, — спокойно ответил он в трубку, забирая управление на себя.

Пока он звенел в темноте ключами, я так и стояла посреди коридора, сжимая в руке снятый сапог.

— Ты чего? — Дима обернулся у двери.

— Пытаюсь понять, где второй.

Его взгляд опустился на мои ноги. — На тебе.

Из него вырвался короткий, нервный смешок. И меня сорвало следом — безумным, громким хохотом вперемешку с икотой. Это был смех висельника, который уже на эшафоте почувствовал: петля сделана из шёлка. Она не сорвется. Она убьёт его мягко, комфортно и абсолютно бесшумно.

* * *

Приемный покой городской больницы встретил нас слепящим, белым светом, от которого заныли глаза.

Каталки с грохотом пролетали мимо. За грязно-зелёной ширмой кто-то плакал — тихо, монотонно, на одной ноте. С глухой, леденящей безысходностью. Человеческое страдание здесь было поставлено на поток. Время текло с другой, пугающей скоростью. Мимо нас провезли старика под кислородной маской, его грудная клетка ходила ходуном. Из глубины коридора хрипло гаркнули:

— Реаниматолога в третью! Срочно!

Тело инстинктивно дернулось на этот звук, готовое бежать, соответствовать, помогать. Но тяжёлые ладони Димы легли мне на плечи, разворачивая спиной к открытым дверям палат.

— Не смотри туда, Вера.

Его лицо казалось непроницаемым для этого кафельного ада. Прямая, упрямая линия подбородка была единственной вертикалью, удерживающей от падения. Дима забрал у меня документы и скрылся за дверью с табличкой «Вход воспрещён».

Оставшись у кофейного автомата, я тупо смотрела, как в пластиковый стаканчик тонкой струйкой льется бледная жижа. У стены санитар крыл матом охранника из-за застрявшего грузового лифта. Меня тошнило от этого шума, от запаха хлорки и старого лекарственного пота. Воздух казался липким. Внутри, за ребрами, снова заворочался тот самый сладкий, медовый туман, лишая мысли остроты.

* * *

Дверь распахнулась до того, как мы успели коснуться звонка. Тамара Николаевна словно караулила у глазка жизнь, пытающуюся нарушить границы квартиры.

Внутри стояла та глухая, герметичная тишина, которая бывает в домах, где мебель не двигали десятилетиями. Воздух здесь казался заархивированным. На кухонный стол встали тяжёлые чашки. Сахарница заняла центр клеёнки — строго посередине, без права на погрешность.

— Вы людей отбираете, — ложка Тамары Николаевны мерно стучала по фарфору, навязывая комнате свой гипнотический ритм. — В кадрах.

Я выдавила вежливый кивок. В этой кухне моя спина сама по себе вспомнила ноябрь девяносто седьмого и мамину ладонь на плече.

— Наверное, сложно быстро понять, кто подходит, — Тамара Николаевна произнесла это ровно, разглядывая дно своей чашки. — Иногда ведь совершенно неясно: настоящий человек перед тобой или очередная подделка.

Разговор буксовал в густом сиропе вежливости. Смысл ускользал, и я чувствовала себя кандидатом на самом важном, но самом провальном собеседовании.

— Дима в детстве почти не играл во дворе, — продолжила она после затяжной, давящей паузы. — Мальчишки в грязи возились, а он не выносил испачканных коленей. Зато очень любил сортировать вещи. Однажды разобрал старый дедовский будильник. Ну всё, думаю, конец механизму, доломал вещь. А он разложил шестеренки по размеру на ковре... и собрал ведь. Снова пошли. — Ложка замерла, звякнув о край. — Ему было всего семь.

Дима молча поднялся, чтобы выключить закипевший чайник. На обратном пути, проходя мимо серванта, он кончиком пальца поправил рамку с семейным фото на стене. Чуть-чуть, на два миллиметра влево. Возвращая миру правильный угол.

Внутри что-то замерло. Мне показалось, что человек, способный починить будильник и выровнять кривую рамку, сможет починить и мою разваливающуюся жизнь. Я ещё не знала, что для этого ему придётся разобрать меня на детали.

* * *

Через три месяца он сделал предложение.

Без колец в бокалах, без свечей и отрепетированных монологов. После ужина Дима долго, сосредоточенно сгребал хлебные крошки со стола в ладонь. Трижды протёр глянецкую поверхность салфеткой, уничтожая невидимые разводы. И только тогда сказал:

— Нам стоит пожениться.

— Почему? — горло мгновенно пересохло.

Плечи Димы дёрнулись. — Так будет надежнее.

Присутствие Димы впервые подарило мне роскошь не оборачиваться у дверей и не проверять, выключен ли утюг — хотя в нашей первой съёмной однушке мы ещё даже не обзавелись техникой. Это была иллюзия абсолютной безопасности.

— Хорошо.

Он коротко кивнул. Договор был заключён.

* * *

В день свадьбы платье держало меня жёстче, чем собственный скелет.

Жёсткий корсет сдавливал рёбра так, что дышать приходилось наполовину. В банкетном зале стояла удушливая жара. Голоса гостей сливались в глухой фоновый гул, вспышки камер били по глазам.

Стакан воды ушёл за два глотка. Жажда не утихла — наоборот, горло ободрало сухим наждаком. Пальцы снова коснулись прохладного стекла графина, но Димина ладонь накрыла их сверху, мягко, но настойчиво прижимая к столу и не позволяя поднять.

— Медленнее, — тихо бросил он. — Потом будет плохо.

Через минуту он уже образцово улыбался повернувшемуся фотографу — поправил выбивавшуюся прядь у виска и приобнял меня за талию, фиксируя позу для идеального кадра.

На свадебных снимках моё лицо везде одинаковое. Спокойное до неподвижности. Почти чужое. Я стала частью его безупречной геометрии.

Глава 5. Белый шум

Монитор не просто расплывался — он выжигал зрачки бледным, слепым пятном.

Офис перестал быть предсказуемым местом. Звуки потеряли границы: дёрганный, механический ор принтера, чей-то вязкий, неуместный смех у окна, давящий, бесконечный бубнёж Марины — всё спрессовалось в сплошной, гудящий монолит. Реальность ушла под толщу грязной стоячей воды. Воздуха не осталось, внутри грудной клетки ворочался распирающий ком. Липкий корсет блузки сжимал ребра жёстче, чем свадебное платье.

— Вера, «Авангард» ушёл? — голос Марины прилетел откуда-то сверху.

Курсор на экране дрожал. Под пальцами — влажный пластик мышки. Клик. Короткий, сухой щелчок, похожий на выстрел в пустоту переговорной.

Письмо улетело. Вместе с необработанным рабочим экселем. Вместе с позором команды, неотфильтрованными внутренними комментариями и матами Волкова.

— Вера! — Марина не говорила — она хрипела, рывком выдирая мышку из моей онемевшей руки. Стол жалобно качнулся. Её выверенное лицо перекошилось, вытянулось по вертикали, превращаясь в уродливую маску из японского театра но. — Что ты отправила?.. Это выгрузка? С комментариями?! Господи, Вера... На тебе лица нет!

Звуки взорвались, сорвав заглушки. Стационарный телефон зашёлся в судороге, выплевывая багровый свет индикатора. Из кабинета Волкова донёсся яростный стук кресла, отлетевшего в стену. Каблуки Марины панически заколотили по ламинату, ломая привычный офисный ГОСТ, — она метнулась в проход:

— Ира, руби сервак! Отзыв, быстро!..

Надо было встать. Ноги отказывались удерживать вес тела. Возле кулера серая стена качнулась навстречу, как падающий пилон. Лицо Лены из бухгалтерии застыло в упор, приоткрыв рот в беззвучном крике.

Рывок стакана из диспенсера. Тонкий прозрачный пластик с хрустом смялся в кулаке, острый излом полоснул по ладони. Боль пришла не сразу — сначала была просто теплая влага. Кнопка кулера поддалась со звуком ломающегося костяного сустава. Ледяная струя ударила мимо, обжигая пальцы, перелилась через край. Я пила прямо из горлышка, захлёбываясь, давясь студёной, горькой водой. Жидкость текла по подбородку, заливалась под воротник, прилепляя ткань к телу. Кожу жгло холодом, а внутри продолжал полыхать невидимый пожар.

Под ногами мешалась серая, размокшая каша из упавших бумажных салфеток.

— Вера.

Голос Волкова. Сейчас — спокойный. Леденящий. Без мата — это означало окончательный расстрел. Смятый стакан выпал из пальцев, глухо шлёпнувшись в лужу. Ноги сами понесли вперёд. Мимо Волкова. К лифту. Дальше. Лишь бы не оборачиваться, лишь бы не видеть эту безупречную геометрию, которая только что была разрушена моими руками.

Улица встретила удушливой, неестественной для ноября жарой и тяжёлым запахом гари. Смартфон в кармане брюк бился в бедро, отдаваясь в затылке тупой, ритмичной болью.

Шаг. Ещё шаг. Мимо пролетали грязные борта автобусов, чужие плечи, локти, сумки. Толпа вжимала в асфальт, дышала в лицо пережаренным кофе и кислым табаком. На перекрёстке спина женщины в сером пальто внезапно стала сплошной, непреодолимой бетонной стеной. Рядом маленький мальчик закинул голову вверх, ловя ртом душный городской воздух:

— Мам, яблоками пахнет... Красными.

Меня передёрнуло. Запах яблок. Мамины руки из ноября девяносто седьмого. Моя поджелудочная, умирая, выплескивала в кровь этот сладкий, смертоносный яд, пахнувший гниющими фруктами.

В кармане снова заняло. Экран горел сквозь плотную ткань: три пропущенных от Марины, Волков, Настя... Мир сузился до размеров этой непрерывно жужжащей пластиковой коробки.

Острая боль обожгла руку. Экран высветил короткое текстовое от Димы: «*Вера, ты где? Ответь*». Даже на расстоянии его контроль настигал меня, требуя отчёта.

Толпа сзади навалилась, равнодушно толкая в спину. На табло загорелся красный, но люди продолжали идти, шагая с бордюра под колёса. Гудки машин, липкая шея, непрерывный зуд в кармане и это удушающее «яблоками пахнет» — всё сошлось в одну звенящую точку прямо между глаз.

Сил придумывать спасительную ложь больше не было. Возвращаться было некуда. Мир вокруг просто выключил звук, оставляя меня стоять на самом краю чужого, несущегося на полной скорости и абсолютно равнодушного человеческого потока.

Глава 6. Эффект присутствия

Дом перестал быть убежищем. Он стал минным полем, где каждая вещь объявила мне войну. Острый угол комода целился прямо в бедро. Ножка стула караулила щиколотку. Пространство сужалось, выталкивая меня наружу.

На кухне Дима резал лук. Нож бил по деревянной доске с пулемётной, механической скоростью.

— Пришла, — бросил он в стекло, не оборачиваясь. Плечи под домашней футболкой напряглись. — Виктор звонил. Три раза. На личный.

Я попыталась расстегнуть пальто, но пальцы скользили по пуговицам, как по мокрому мылу. Тело застряло в чугунной ломоте — даже воздух казался слишком плотным для моих лёгких.

Муж отложил нож и взял полотенце. Тщательно, до хруста в суставах, вытер каждый палец, словно смывал чужую грязь.

— Волков сам читал мне твои сообщения, Вер. Спрашивал, под чем ты на работе. Что ты принимаешь.

— Ошибка во вложении... — мой голос показался чужим, записанным на старую пленку. — Перепутала файлы в почтовике.

— Он сказал, это бред, Вер. Бессвязный набор цифр. Но главное — ты отправила стратегическому партнеру всю внутреннюю переписку. С матами команды. С оценками их адекватности.

Экран телефона снова ожил. Вспыхнуло имя: Волков. Сам дисплей превратился в мутное, слепящее пятно. Моя рука потянулась к стакану с водой у раковины, но траектория сломалась — пальцы ушли мимо стекла, глухо звякнув по кафелю.

Дима перехватил мой локоть. Жёстко, до багровых синяков, фиксируя сустав.

— Сядь. Ты на ногах не стоишь.

— Дай воды. Пожалуйста.

Он налил, не разжимая губ. Глоток, второй — но жидкость проваливалась внутрь, как в сухую раскалённую пустыню. Животная, неутолимая жажда.

Дима вдруг замер, принюхался, резко подавшись вперед. Брови сошлись у переносицы.

— Чем от тебя пахнет? Какими-то тухлыми фруктами. Ты пила?

— Воды...

— Мы едем в больницу. Сейчас.

— У меня завтра созвон в десять... — выдавила я, глядя сквозь него, в белую пустоту кухонной стены. — Надо переподтвердить... Волков снимет с проекта...

— Вера! — Дима рывкнул так, что нож на разделочной доске подпрыгнул и зазвенел. Он зажмурил глаза, с силой нажал подушечками пальцев на веки, справляясь с собственной вспышкой хаоса, и глубоко вдохнул. Линейность его мира трещала по швам. — Твоя работа сейчас — это последнее, что меня волнует. Ты себя в зеркале видела? У тебя губы синие. От тебя несёт ацетоном на всю кухню.

Мир вокруг качнулся, сделав крутой оборот по вертикали. Моя нога не нашла опоры. Тело повело в сторону, ломая координацию. Дима перехватил мое тело в воздухе, грязно выругался, врезавшись коленом в табуретку, и рывком усадил на стул.

От его домашней одежды пахло луковым соком, едким дезодорантом и кислым потом. К горлу подкатила тошнота.

— Всё, — хрипнул Дима. Пальцы на моем плече мелко дрожали. — Хватит. Доигралась в незаменимую.

Он вырвал мой телефон, ткнул пальцем в ослепительно горящий экран, сбрасывая вызов Волкова. Его голос — обычно ровный, уверенный, до наглости стабильный — сорвался на неестественный фальцет:

— Скорая? Приезжайте, жене плохо. Очень. Да я не знаю, что с ней! Глаза стеклянные. Ноги не держат. Нет, алкоголь не пила! Адрес... запишите адрес...

В кармане его брюк тикали часы. Словно отсчитывали секунды до момента, когда моя старая, удобная жизнь окончательно перестанет существовать.

Глава 7. Сахарный замок

Лампа над кроватью тихо зудела. Постепенно этот звук вытеснил шаги в коридоре, скрип каталки и приглушённые голоса за дверью.

Белый потолок. Трещина в углу. Пластиковая трубка от капельницы уходила под серое байковое одеяло. Кто-то рядом шуршал бланками.

— Очнулась.

Маска у врача висела под подбородком. Медсестра протянула мне пластиковый стакан. Вода оказалась неподъёмной. Пальцы дрогнули, несколько капель выплеснулись на простыню и медленно расплзлись тёмным, холодным пятном.

— Когда ели последний раз? — спросил врач, не глядя на меня.

— Не помню.

— Тошнило?

Голова послушно качнулась. Каждое движение отзывалось тупой болью в затылке.

— Жажда давно началась?

— Наверное.

Врач черкнул что-то в бланке и, так же не поднимая глаз, добавил:

— У вас сахарный диабет первого типа. В больнице проведете недели две.

Слова зависли в воздухе.

Диабет. Знакомый, плоский звук. Из телевизионной рекламы средств для похудения. Из бесплатных аптечных буклетов. Из разговоров коллег про чужих, очень старых родственников. Слово существовало отдельно от капельницы, сухости во рту, белого потолка и онемевшей руки под больничным одеялом.

— Подождите... это ошибка какая-то. Я сладкое вообще почти не ем.

Врач поднял глаза. На его лице читалась усталость человека, который слышит эту фразу в сотый раз.

— Это не от сладкого. Это аутоиммунное.

В соседней палате кто-то громко закашлял. Медсестра привычным движением поправила колёсико капельницы, проверяя скорость раствора. *Кан. Кан. Кан.* Новый ритм моей жизни.

— Сахар был двадцать шесть. Из-за этого и реанимация. Еще пару часов — и кома.

Слово «сахар» в данном контексте прозвучало нелепо. Сахар лежит в белых бумажных стиках возле кофемашины. Его размешивают ложкой. Им посыпают сырники по выходным. Он не должен обнаруживаться внутри вен, анализов и чужих медицинских объяснений.

— Это лечится?

Врач помолчал.

— Это контролируется.

Дверь распахнулась без стука, нарушая стерильный покой палаты. Дима вошёл быстро, заполнив маленькое пространство сканирующим взглядом. Он оценил капельницу, а затем посмотрел на меня.

— Ну?

— Состояние стабилизировали, — повторил врач, даже не оборачиваясь. Он сразу узнал человека, который ночью перевернул приёмный покой. — Но дальше инсулин, постоянное наблюдение эндокринолога, школа диабета.

— Какой ещё инсулин? — перебил Дима. Его голос прозвучал слишком резко для этих тихих стен.

Ответа не последовало. Муж медленно, с силой потёр лицо ладонями, словно пытался стереть этот неподходящий под его стандарты сценарий.

— То есть... уколы?

— Да.

— Это временно же? Ну, типа курса реабилитации?

Врач коротко качнул головой:

— Нет. Это заместительная терапия. Навсегда.

Пластырь на моем сгибе локтя начал отходить от пота, обнажая серую кожу. Взгляд зафиксировался на этой отклеивающейся полоске ткани.

— Нет, подождите. У меня же никогда не было диабета, — фраза прозвучала тихо, совсем по-детски.

— Нужно постоянно следить за сахаром, — продолжал врач. — Считать еду в хлебных единицах. Подбирать дозировки короткого и длинного инсулина.

Слова шли одно за другим, но между ними не возникало общего смысла. Пространство буквовало. Каждое понятие существовало само по себе, как чужие, разрозненные элементы. *Считать. Подбирать. Следить.*

— А ночью? — перебил Дима, сделав шаг вперёд и почти вплотную приблизившись к врачу. — Во сне как это понять? Если сахар упадёт?

Телефон уже оказался у него в руке, экран слепил поисковой строкой. Дима за несколько часов успел изучить матчасть.

— Гипогликемия может развиваться стремительно. Дрожь, спутанность, холодный пот, потеря сознания...

— Чёрт. — Дима опустил руку, и дисплей смартфона сразу погас. Он уставился на мёртвое темное стекло, словно высчитывал траекторию новой угрозы. Его идеальный мир только что дал колоссальный сбой.

— У меня завтра встреча в десять... — вспомнила я. — Волков ждёт...

В палате стало так тихо, что лампа над головой загудела отчётливее, заполняя собой всю пустоту.

— Вер. — Дима подошёл и положил тяжёлую ладонь мне на плечо. Несильно, но как-то слишком плотно, фиксируя меня на больничной койке с пугающей, чисто деловой собранностью. — Ты у меня на руках отключаться начала. Дома. Прямо на кухне.

Без раздражения. Без привычной жёсткости. Просто факт, после которого мир вокруг нас успел стать другим. Я подвела его систему.

Врач направился к выходу, и Дима сразу шагнул вслед за ним в коридор, плотно прикрыв дверь. Медсестра подготовила шприц. Игла вошла под кожу почти без боли.

Дима вернулся через полчаса с мятым листом бумаги, исписанным какими-то тезисами и формулами. Я долго не могла сфокусировать зрение на прыгающих строчках.

— Короче, нам сейчас всё объяснят, — он сел на край койки рядом со мной. В его глазах не было сочувствия — только холодная, операционная решимость. — Я вообще ничего пока не понимаю, но мы разберемся.

Край серого одеяла сполз на больничный линолеум. Муж сразу поправил его обратно — аккуратно, сосредоточенно, словно это оставалось единственной вещью в комнате, которую ещё можно было подчинить его безупречной геометрии.

* * *

Следующее пробуждение случилось в темноте. Из коридора тянуло разваренной гречкой и вечерней усталостью отделения. Димино место на стуле пустовало.

На тумбочке, рядом со стаканом недопитой воды, лежал чёрный блокнот в жёсткой обложке. Один из тех, что он покупал пачками для расчетов и планов по новым проектам: без надписей, только плотная фиксирующая резинка сбоку. Настоящий монумент контроля.

Внутри на первой странице чернели ровные, размашистые строчки:

глюкометр ночью проверять??? (поставить будильник на 3:00)

Ниже, с сильным нажимом:

купить весы кухонные точные база данных ХЕ (хлебные единицы)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.